
ТЕОРИЯ

МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ РАЗОБРАТЬСЯ В ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ, ВЕДЬ МИР ИЗМЕНИЛСЯ

Дэвид Харви (David Harvey) – почетный профессор антропологии и географии отделения аспирантуры в Городском университете Нью-Йорка (CUNY)

Редакция представляет читателям «Альтернатив» возможность познакомиться с идеями известного ученого Дэвида Харви*.

Несмотря на то, что данное интервью уже публиковалось на русском языке¹, мы считаем полезным более широкое распространение информации о современных тенденциях и персонах в западном марксизме.

1. Что из теоретического наследия марксизма ушло в прошлое, а что сохраняет актуальность?

Непросто ответить на этот вопрос. Хотя большинство моих работ основаны на текстах Маркса, я никогда не считал себя большим экспертом по истории марксизма или по его сегодняшнему состоянию. Но теоретический урок, который я извлек из изучения текстов Маркса, состоит в том, что хороший специалист по историческому и географическому материализму должен обращаться к реалиям своего времени и места и анализировать происходящее сегодня, находя понятия, помогающие объяснить происходящее.

Качественная марксистская теоретическая работа всегда должна исходить из ситуации, как она есть, а затем находить концептуальный аппарат, помогающий вскрыть и распутать эту ситуацию. Я прочитал много классических марксистских тек-

* Харви на сегодняшний день является наиболее крупным ученым-географом в мире (его труды являются самыми цитируемыми среди академических специалистов в этой дисциплине). Одновременно он – один из наиболее известных и авторитетных западных ученых, всегда придерживавшихся марксистского метода. Харви – автор десятков книг и статей, посвященных различным социальным и политическим вопросам; в настоящее время его работы сосредоточены на возвращении понятия «социальный класс» для анализа глобального капитализма, прежде всего в его неолиберальной форме.

Одну из важных работ Харви – «Неолиберализм и реставрация классовой власти», переведенную на русский, см.:

<http://journal.prognosis.ru/a/2006/08/10/89.html>

¹ <http://vpered.org.ru/index.php?id=528&category=1>

http://www.redflora.org/2012/01/blog-post_460.html

стов, вроде книг Ленина и Люксембург, чтобы увидеть, как они делали это. Но меня раздражают «ученые споры» о том, были ли Ленин и Люксембург правы. Думаю, что эта привычка копаться в спорах столетней давности – просто пустая трата времени. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился. В одном из предисловий к «Коммунистическому манифесту» Маркс писал, что теперь это текст, который принадлежит истории и должен пониматься как текст своего времени. И далее он говорит, что, если бы они писали его сегодня, то написали бы совсем иначе. На мой взгляд, одна из главных проблем в истории марксистской мысли – это недостаток гибкости и чувствительности к текущей ситуации. Это особенно важно потому, что одно из теоретических прозрений, которым я обязан Марксу и его пониманию капитала, – это то, насколько гибким и умеющим приспосабливаться к новой обстановке является на самом деле капитал. Если не получается извлекать прибыль одним образом, она будет извлекаться другим; возникает препятствие – капитал обходит его... Я применил это понимание в своих работах, показав, что у данных процессов есть географическое измерение: если капитализм сталкивается с проблемами в Британии, он перетекает в Северную Америку, возникают затруднения там – он перетекает в Китай или Индию.

Мы, марксисты, должны в гораздо большей степени уметь адаптировать к текущей обстановке наши теории, наши теоретические конструкции. Мы не можем только смотреть назад и говорить: «Ленин утверждал то-то и то-то, и это было правильно». Когда-то это было верно, в другой момент, может быть, нет, но это почти наверняка неверно сегодня. Этот исследовательский дух предельно важен, если мы хотим сделать что-то значимое в области исторического и географического материализма; необходимо постоянно искать новые теоретические подходы для вскрытия присущих капиталистическому социальному порядку проблем. Для этого я веду курс по «Капиталу» Маркса каждый год. И должен сказать, что он помогает мне многое объяснить, в частности, в том, что касается обличей капитала, вопросов фетишизма, того, как фетишизм и отчуждение функционируют, даже если они принимают сегодня новые формы. Но опять-таки, важно перечитывать «Капитал» каждый год именно с прицелом на то, что происходит сегодня. Так что я читаю курс по 1-му тому «Капитала» каждый год уже 37 лет подряд. Время от времени я включаю в свой курс 2-й и 3-й тома. В следующем году включу в него и «Grundrisse». Но за эти 37 лет мой курс лекций изменялся, потому что изменялась ситуация [в которой мы находимся]. Я могу акцентировать в тексте те или иные моменты в зависимости от того, что происходит сегодня. И тогда в тексте открывается что-то, чего вы не видели прежде. Таков мой подход к теоретическому наследию: я стремлюсь, насколько возможно, учитывать происходящее в моем времени и пространстве, а это прежде всего Соединенные Штаты, Европа и Латинская Америка – те регионы, которые мне в наибольшей сте-

пени знакомы. Так что если бы я читал [«Капитал»] здесь, в России, то увидел бы там что-то, чего пока не вижу.

2. Каковы основные теоретические проблемы, которые надо решать марксизму сегодня?

Вернемся опять-таки к первому тому «Капитала». Большая часть этой книги построена в форме диалога с классической политической экономией. Студенты, читающие эту книгу, иногда удивляются, обнаружив, что Маркс на самом деле разделял понимание безупречно функционирующего рынка, как оно изложено Адамом Смитом или Рикардо. В определенном смысле, он хотел показать, что, чем ближе вы подходите к ситуации идеально функционирующего рынка, тем выше становится степень классового неравенства. Он стремился доказать, что утверждение Смита, будто рынок выгоден для всех, неверно, что рынок на самом деле приносит выгоду классу капиталистов – точка. И чем свободнее рынок – тем выше прибыли класса капиталистов. И когда вы дойдете до главы 25, посвященной общему закону капиталистического накопления, вы увидите [как Марксом показано] накопление богатства на одном полюсе и накопление деградации, изматывающего труда и нищеты на другом полюсе, где находятся работники, создающие богатство. Это очень важное наблюдение, ведь после 30 лет неолиберальной политики на Западе мы видим неравное географическое развитие в неолиберальном направлении, и те страны, которые проводили жесткие неолиберальные меры, пришли именно к тому, что предсказывал Маркс.

Пример Мексики в этом отношении наиболее показателен, поскольку в ней проводилась жесткая неолиберальная политика между 1988 и 1994 годами. Это очень бедная страна, но к 1996 году мы видим 14 мексиканцев в списке самых богатых людей мира. Третье место в этом списке занимает человек по имени Карлос Слим, который все свое состояние сделал на приватизации. Благодаря неолиберальному проекту, реализованному в 90-х в Мексике (и, кстати, в США), концентрация богатства на вершине [общественной иерархии] стала абсолютно поразительной, особенно учитывая, что заработная плата совершенно не росла последние 30 лет. Так что здесь теоретическая конструкция предельно точно описывает динамику капитала в целом.

Но затем, в последней части «Капитала», Маркс анализирует процессы первоначального накопления, как они проходили преимущественно в период возникновения капитализма, при переходе от феодализма к капитализму в ходе огораживаний, уничтожения крестьянства и так далее. Но мне представляется, что эти процессы не закончились, они по-прежнему идут. Об этом в свое время писала Роза Люксембург. И, по-моему, крайне важно принимать это во внимание, когда мы пытаемся понять, что представляет собой новый неолиберальный империализм. Потому что неолибе-

ральный империализм в огромной мере является новым циклом первоначального накопления, полностью отрицающего рынок. Раздел [«Капитала»], посвященный первоначальному накоплению, говорит о насилии, в том числе – не предусмотренном законом. Но потом там показывается, как государственное насилие, насилие по закону становится одним из главных средств первоначального накопления. А теперь посмотрим, что происходило в Мексике в 1988 году, когда провели огораживание общинных земель коренных народов. Это то же самое, что происходило в XVIII веке. Является ли это первоначальным накоплением? Но как еще это можно назвать? Даже в США право на общественную собственность (common property rights) внезапно было нарушено. Возьмем, к примеру, пенсии. Люди полагали, что у них будет достойная пенсия, но внезапно многие корпорации отказались платить им пенсии. Они смогли сделать так, объявив себя банкротами, что означает не ликвидацию предприятия, а всего лишь то, что ты действуешь по распоряжению суда. Так что представители больших авиакомпаний, вроде «Юнайтед Эйрланс», могли обратиться в суд и сказать: «Единственный способ для нас избежать банкротства, это с вашего разрешения отказаться от всех наших обязательств по выплате пенсий». И судьи говорили: «О'кей, никаких проблем». И вот, пожалуйста, работники «Юнайтед Эйрланс», полагавшие, что у них будут хорошие пенсии, оказались ни с чем. Существуют, конечно, государственные страховые программы, которые созданы для обеспечения пенсий, но они не могут превышать определенного предела. Так что люди, рассчитывавшие, что они будут жить на пенсию в 90 000 долларов в год, внезапно обнаружили, что им придется жить на 30 000 в год, и они едва сводят концы с концами. Так они обнаружили, что снова – в возрасте 60 лет – оказались на рынке труда, снова став преимущественно пролетариатом.

Можно ли назвать это первоначальным накоплением? Или как-то по-другому? Я решил назвать это накоплением через изъятие (accumulation by dispossession). Это когда забирают имущество, лишают того, что вам принадлежит. Но тем временем, когда работники «Юнайтед Эйрланс» теряют свое право на пенсию, люди с Уолл-стрит получают по 52 миллиона долларов в год. Глава банка «Goldman Sachs» получает миллиард семьсот миллионов. Так что я начал обдумывать это понятие – «накопление через изъятие» – и смотреть, какие процессы такого рода происходят в мире сегодня. А в эти процессы надо включать также и загрязнение окружающей среды, приватизацию общественной собственности и водных ресурсов. И оказалось, что в мире идет борьба повсеместно, что люди пытаются противостоять накоплению через изъятие. Например, обитатели трущоб в Бомбее выселяются силой из своих жилищ, когда обнаруживается, что их земля интересует девелоперов. Нечто подобное происходит и в России, когда целые районы подвергаются «джентрификации» и людей силой изгоняют оттуда.

Я думаю, что очень важно включить эту борьбу в общее понятие классово-борьбы. Это другой тип классово-борьбы по сравнению с той, что идет на заводах. Для меня это важный теоретический вопрос: разработать идею, найденную мною у Розы Люксембург, – о попытке продумать органическую связь между двумя этими типами борьбы, о поиске теоретической связи, которая может быть между двумя этими типами борьбы. Есть ли способ политически осмыслить объединение этих двух типов борьбы, чтобы не было так, как случается порой, – когда люди из рабочего движения относятся скептически к другим видам борьбы, а представители экологического движения – к борьбе рабочих. Можно ли объединить эти направления борьбы и на теоретическом, и на политико-практическом уровнях?

Когда я стал присматриваться к тем типам борьбы, которые были главным предметом обсуждения на Мировых социальных форумах, то обнаружил, что многие из них нацелены против накопления через изъятие. Некоторые из представителей этих движений довольно враждебны по отношению к традиционному рабочему движению, поскольку не чувствуют поддержки и даже серьезного отношения к себе. А между тем сегодня возникают возможности очень действенной коалиции. Вспомним, как Грамши говорил о коалиции рабочих Севера и крестьян Юга [Италии] – так же сегодня можно говорить о коалиции рабочих Севера и многих движений на Юге [в глобальном масштабе]. Эта одна из сфер теоретического и политического анализа, которая требует, по моему мнению, пристального анализа.

Замечу попутно, что многие из коллег, придерживающихся традиционных марксистских взглядов, критиковали меня за введение понятия «накопление через изъятие» вместо «первоначальное накопление». Они возражали, им была непонятна цель такого изменения. Часть ответа состоит в следующем: если я начинаю говорить о первоначальном накоплении, допустим, фермерам, никто меня не поймет. Но если я с ними заговорю о накоплении через изъятие, меня поймут. Потому что многие из них потеряли свои фермы, и понимают, что это значит, понимают, кто извлекает выгоду из этого. Это одна из сфер, где нужно изменить наш язык и так модифицировать понятийный аппарат, чтобы он был способен охватить различные политические ситуации и привлечь людей к политике, которую мы стремимся проводить...

Это еще одна причина, почему одной из важнейших теоретических проблем действительно является существующий сегодня огромный культурный разрыв. Очень разные языки. Интеллектуалам стоит заняться разработкой более общеприемлемого языка. В моих последних двух книгах я попытался совместить язык рабочей борьбы и концепцию накопления через изъятие, поместив их в общий контекст. Но здесь еще предстоит огромное количество работы, и в отношении такой работы по-прежнему ощущается скрытая враждебность. Я был на некоторых социальных форумах (не мировых, а европейских) и заметил, что люди из рабочих организаций иногда с большой враждебностью относятся к другим направлениям борьбы, и наоборот. Но

стоит спросить себя, кто наш общий враг: неолиберальные формы накопления. И если мы хотим создать альтернативу этим процессам, то должны объединить силы, недовольные существующей системой, желающие чего-то другого.

3. Кто представляет собой наиболее значительных марксистских мыслителей за последние десятилетия? В чем состоит их вклад в развитие марксизма?

Не люблю я этот вопрос о самых важных марксистских мыслителях. Это зависит от того, в какой области вы работаете, что вас интересует. Например, 30 лет назад осуществлялись очень прогрессивные попытки включить экологические вопросы в рамки марксизма, это была очень важная коллективная работа. Здесь я мог бы назвать десятки имен...

Если вас интересует, насколько большое внимание уделяется экологии сегодня в марксистской теории, то вы должны обратить внимание на целый ряд пионерских работ, появившихся в 70-е и 80-е. Очень плодотворно работает в этой области Тед Бентон; кроме того, Джон Беллами Фостер, ведущий сотрудник редакции «Monthly Review», который очень серьезно относится к экологическим проблемам. Возвращаясь к марксистам, надо упомянуть моего коллегу Нейла Смита, написавшего книгу о неравном развитии, где также разрабатывается очень интересная концепция природы. Конечно, здесь есть много споров и противоречий. Например, я вступил в дискуссию с Джоном Беллами Фостером, поскольку не согласен с его катастрофическим/апокалиптическим тоном, мол, природа умрет, все исчезнет и т. д.

Мои же собственные интересы лежат в другой сфере. Я стараюсь в рамках марксизма свести в комплекс теории пространства и географическое измерение. Эти исследования были начаты, в частности, Анри Лефевром в его книге «Производство пространства». Для изучения урбанистической «ДНК» пространственного измерения также очень важны ранние работы Мануэля Кастельса. Так что это целая традиция. Кроме того, появились некоторые важные работы, касающиеся функционирования экономики на макро-уровне. Из важных для меня за последние годы следует вспомнить книгу Питера Гоуэна «Global Gamble» и работу Роберта Бреннера «The Boom and The Bubble». Совсем недавно опубликована книга Эндрю Глина об истории развития капитализма, очень хорошая книга. Самир Амин, полагаю, важный мыслитель, особенно в том, что касается изучения развивающихся стран, я нахожу его работы очень интересными, особенно учитывая, что он происходит из Африки. Вообще, много есть хороших исследований в области культурного и политического анализа. Что касается журналов, то очень важно следить за изданием «Socialist Register», которое поддерживает очень высокий уровень. Его редакторы – Лео Пэнич и Колин Лейс. У Лео Пэнича есть очень хорошие работы по финансам и империализму; вообще сего-

дня анализ финансовой сферы и капитала – это критически важная проблема, и Лео – один из ведущих специалистов в этой области.

Что касается исследований культуры и политики в широком понимании, то Перри Андерсон и Фрэдрик Джеймисон всегда выпускают исследования высокого уровня, хотя иногда они выражаются, на мой взгляд, чересчур сложно. Из западных мыслителей еще назову Михаэля Леви. Во Франции есть очень интересная группа ученых, объединившаяся вокруг Жака Биде, они работают в области более философской.

Кроме того, есть группы автономистов вокруг Антонио Негри. Я сам в общем-то не сторонник этого подхода, но существуют пересечения между таким типом марксизма и анархистской традицией, широко распространенной в Латинской Америке. Например, автономисты приобрели большое влияние в Аргентине после тамошнего коллапса. На волне захватов фабрик, развития социальных движений (*neighborhood organizations*) философия автономизма стала чрезвычайно влиятельной. Сапатистское движение в Мексике тоже испытало существенное влияние со стороны некоторых фракций левых, поскольку люди приходили к политической организации, имея разный опыт за плечами. В Германии тоже есть некоторый интерес к анархистской/автономистской традиции, в ее антикапиталистической части, но там, где эта традиция враждебно относится к марксизму, это выражается во враждебности и к организациям трудящихся. Так что это еще одна сложная проблема, которую можно прибавить к перечисленным выше нерешенным проблемам теории марксизма: может ли марксизм взаимодействовать с анархизмом? Есть ли у них какая-либо возможность диалога? И если есть, то кто его должен вести и о чем?

Я думаю, что что-то в таком роде надо начинать уже сейчас, потому что спорам и враждебности между марксистами и анархистами уже 130 лет. Отчасти эта враждебность обоснована, но далеко не целиком. Подробно рассмотреть эту проблему крайне необходимо. Для меня лично интересно то, что радикальная традиция в географии была заложена анархистами. Вы, наверное, знаете, что Кропоткин был географом; лондонское Королевское географическое общество даже направляло петицию, чтобы помочь ему выйти из тюрьмы, поскольку ценило его как выдающегося ученого. Французский географ Элизе Реклю тоже был анархистом и близким другом Кропоткина. Если угодно, вся традиция радикализма в географии была анархистской по весьма простой причине: анархисты всегда старались относиться очень внимательно к локальным различиям, к экологическим вопросам, к культурным аспектам пространства, чем марксизм иногда пренебрегал. Для меня как географа очень важно было сделать марксизм более чутким к этим вопросам географических и культурных различий, пространственных структур и экологических проблем. Отчасти я брал осваиваемые анархистами темы и пытался развивать эти темы более систематически, исходя из марксистской теории. Так что, полагаю, моя деятельность – это своего рода начало такого диалога с анархизмом.

4. Ваше отношение к проблеме диалектики в марксизме?

Я полагаю, что мыслю диалектически, хотя, может быть, кто-то с этим не согласится. Я не понимаю, как можно применять марксизм, не будучи диалектиком и не понимая очень четко, что такое диалектическая теория. Преподавая «Капитал» Маркса, я всегда говорю: «У Маркса нет текста, в котором он объяснял бы, что такое диалектика, так что вы должны учиться ей, внимательно читая этот текст. Смотрите, как он мыслит, и вы поймете его метод, а потом и сами сможете анализировать вещи подобным образом». Диалектика – это очень плодотворный метод, на мой взгляд, она занимает центральное место в марксизме.

Существуют течения в марксизме, например, аналитический марксизм, представители которого не верят в диалектику и считают ее ерундой. Есть и те, кто пытаются свести Маркса к позитивизму. Я со всем этим не согласен. От диалектики нельзя избавиться, она лежит в самом основании. Но научиться ей можно только в процессе ее применения. (Я написал статью об этом, просто чтобы помочь людям; не уверен, что достиг своей цели, возможно, цель была недостижима, но я твердо уверен, что диалектика составляет суть марксовской мысли.) О том, что представляет собой диалектический метод Маркса, конечно, много спорят. Я определенно не считаю его гегельянским и согласен с Альтюссером, говорившим, что Маркс не просто перевернул гегелевскую диалектику, а революционизировал ее.

5. В 90-х годах было широко распространено мнение, что противостояние труда и капитала перестало быть главным конфликтом современных обществ. Согласны ли Вы с этим?

Я не согласен с этим мнением. Оно распространилось преимущественно по причине деиндустриализации большинства развитых капиталистических стран, поэтому так много людей в США и Британии сетуют на исчезновение пролетариата. А он не исчез, а просто переместился; теперь он в Китае, Мексике, Индии. Вы просто его теперь не видите. Но, тем не менее, проблема существует, и проблема серьезная. Например, когда я приехал в 1969 году в Балтимор, на тамошних больших сталелитейных заводах работало около 25 000 человек; профсоюз сталелитейных рабочих имел большое влияние в организациях трудящихся, существовавших в городе, в котором, в свою очередь, была мощная традиция рабочих организаций. А когда я в 2000 году уехал из Балтимора, на «Bethlehem Steel» работало только 2000 человек, хотя они производили примерно столько же стали. В 1970 году, если мы хотели предпринять какое-либо политическое действие, мы могли пойти и вступить в контакт со сталелитейными рабочими, и, если удавалось привлечь их на свою сторону, то мы могли очень многое. Теперь же профсоюз мало что может, да и другие рабочие организации в городе почти исчезли, потому что исчезли рабочие места. Отсюда вопрос: на какой политической основе может осуществляться реальная прогрессивная поли-

тика. Мы прошли через эти изменения, когда политической базой стали не профсоюзы, а церкви. Точнее, центрами политической активности стали церкви, расположенные в депрессивных районах, особенно афро-американские церкви, озабоченные вопросами бедности и тому подобным. Но возникает та проблема, что эти процессы выводят на первый план взгляды, основанные на провозглашении важности семейных ценностей, религии и так далее. Так или иначе, но реальная основа политики претерпела значительные изменения.

С другой стороны, Балтимор был первым городом, в котором началась кампания за прожиточный минимум. Идея была в том, что городские власти должны обеспечить заработную плату, гораздо более высокую, чем гарантировало федеральное правительство, что это должна быть зарплата, на которую может прожить семья. Была проведена мощная кампания за принятие такого закона, и в результате Мэриленд, где находится Балтимор, стал первым штатом, где был принят закон, согласно которому каждый, кто работает на штат, должен получать прожиточный минимум. Потом мы предприняли усилия, чтобы распространить этот закон на частные организации – вроде моего университета, в котором была большая больница и который был крупнейшим частным работодателем в штате. Так что теперь в этом штате прожиточный минимум обеспечен законодательно. Это прогрессивная политика, но это не та политика, которая основывается на сильных профсоюзах. Одной из задач кампании по прожиточному минимуму была попытка организовать временных работников, прежде всего, подсобных рабочих. Но это очень сложная задача. Это совсем не то, что стоять у проходной и призывать выходящих оттуда рабочих к вступлению в профсоюз. Здесь нужна совершенно другая стратегия строительства организации. В 80-х и 90-х во многих развитых капиталистических странах произошло радикальное изменение форм политической организации, связанное с потерей политической базы, основанной на профсоюзах...

6. Какие связи существуют сегодня между марксистской теорией и массовыми движениями трудящихся?

По-моему, это связано с общим вопросом географии пролетариата и неравномерного развития политических движений. Одной из ключевых проблем, возникших в течении неолиберального периода – с 1970-х и до сегодняшнего дня, – является та, что неравномерное географическое развитие на самом деле использовалось как механизм концентрации власти капиталистов и одновременно как механизм борьбы с рабочим движением в масштабах планеты. Кроме того, рабочее движение не смогло в достаточной степени противостоять этим процессам. Тем не менее, в последнее время некоторые крупные профсоюзные структуры в Европе, США и Латинской Америки объединяются. Это крайне важно делать – так Первый Интернационал свои свободные средства из Лондона посылал бастующим рабочим в Лилль или Сент-

Этьен. Нам нужен глобальный фонд поддержки рабочих для помощи тем, кто бастует в различных частях мира.

Так что мы должны учиться вести классовую борьбу в масштабах планеты, но сейчас у нас нет институциональных форм, которые позволили бы делать это успешно. Большинство рабочих организаций по-прежнему ограничивается уровнем своего национального государства. Более того, они часто находятся в плену национализма и враждебны к иностранным рабочим и иммигрантам, не желают видеть интернациональной перспективы своей борьбы. Опять-таки, это область, в которой предстоит еще много сделать. В 70-х труд имел больше возможностей противостояния капиталу в развитых странах, а теперь его борьба значительно ослабла. В определенном смысле капиталисты решили для себя проблему труда. Частично посредством этой географической стратегии, частично посредством стратегии Маргарет Тэтчер по уничтожению британского профсоюзного движения и стратегии Рональда Рейгана по разрушению американского рабочего движения, хотя оно было далеко не радикальным. В России шахтеры в начале 90-х были очень сильны, затем их политические организации были в значительной степени разрушены.

Но опять-таки – это поражение не означает, что отношения труда и капитала теперь ничего не значат. Они всегда лежат в центре. Однако политическая, географическая и даже идеологическая ситуация сегодня тяжелая.

Рабочее движение должно задуматься над проблемой альянсов. Это, с одной стороны, должны быть международные союзы, но, с другой стороны, необходимы и союзы с другими политическими силами, борющимися с неолиберальным империализмом. Здесь тоже есть интересный географический аспект. Трудящиеся очень сильны в организации на своем месте, и если вы добились результатов в определенном месте, скажем, во Франции или еще где-нибудь, то, конечно, вы будете стремиться не потерять достигнутого. Так что всегда существует тенденция фрагментации рабочего движения на группы, которые добились себе привилегий и влияния, и группы, которые не добились этого. Таким образом, неравномерное географическое развитие характерно как для условий труда, так и для борьбы рабочих. Как свести все эти условия воедино – вот еще одна теоретическая проблема, а также проблема практическая и политическая.

7. Как возможно существование марксистской философии в буржуазном университете? Каков Ваш опыт в этом отношении? Как может буржуазное государство согласиться на присутствие марксизма в таком «идеологическом аппарате государства» (Альтюссер) как университет?

Да, это непросто и требует напряженной борьбы. Борьбы за существование такого пространства в буржуазном университете, где могла бы развиваться критическая теория или марксистская теория. Но в академических структурах для этого есть неко-

торые инструменты. Например, когда я начинаю заниматься со своими студентами, то всегда говорю им: надеюсь, что вы будете политически активны и сделаете много важного в политике. Но одновременно я полагаю, что им совершенно обязательно надо быть хорошими учеными. Иначе они просто не найдут себе работу. Фактически им надо быть лучшими учеными, чем другие, чтобы получить работу.

Так что я изо всех сил стараюсь помочь людям стать действительно хорошими учеными, но, конечно, здесь возникает проблема компромиссов в том, что и как ты делаешь. На самом деле это очень забавно: преподавая студентам, я очень часто встречал больших радикалов среди них, обвинявших меня в буржуазном ренегатстве. Вообще это полезно, потому что часто ты заходишь в своих компромиссах слишком далеко, и иметь студентов, которые укажут на это, – весьма неплохо. Но любопытно, что, когда они заканчивают обучение и сами начинают вести научную работу, я часто их спрашиваю: ну и кто из нас теперь буржуазный ренегат? (Смеется.) Некоторые из студентов, когда-то обвинявших меня в отступничестве, теперь гораздо правее меня.

Это борьба, борьба, которую ты ведешь, потому что, с одной стороны, ты должен придерживаться правил, по которым живет академическая наука, с другой – стараешься поддерживать в себе политический пыл. Пожизненная должность – ценный институт; когда ты ее получил, от тебя трудно отделаться. Конечно, к тебе могут относиться очень враждебно и стараться всячески навредить – что и происходило со мной в Балтиморе. Я поэтому и уехал из Балтимора, что там мне старались всячески осложнить жизнь. Они не могли уволить меня, но могли доставить массу неприятностей. И я уехал туда, где моей деятельностью довольны. Так что это борьба, но я думаю так: если ты пытаешься организовать профсоюз в супермаркете, то не должен ожидать, что тебя встретят с распростертыми объятиями, ты должен бороться. Но, опять-таки, 20 лет назад бороться было гораздо легче, отчасти потому, что некоторые люди, весьма симпатизировавшие марксизму 20 лет назад, сейчас настроены очень враждебно. Они говорят: «Знаем мы все это, проходили, все это заблуждение, все это не работает». Сегодня в академических кругах много «классовых предателей», и это осложняет нашу деятельность.

Тем не менее, сейчас появилось новое поколение студентов, которые гораздо больше интересуются марксизмом. Это очень похоже на «эпистемологию дедушки» в науке. Я в очень хороших отношениях с некоторыми аспирантами и напоминаю себе дедушку, который говорит внукам: «Не слушайте своих родителей, они совершенно не правы», – имея в виду тех, кто пошел по пути постмодернизма. Сегодня мне очень интересно общаться с аспирантами, но я нахожусь в привилегированном положении, в том смысле, что я достаточно стар, чтобы не заботиться о будущей карьере и репутации. Я могу быть политически бескомпромиссным. Одновременно я по-прежнему уверен, что мы должны очень серьезно работать, на самом высоком научном уровне.

не, – это единственный способ, которым мы сможем выжить, по крайней мере, на Западе. Наверно, это не везде единственный путь, во Франции традиционно ученые тесно связаны с политическими партиями, и партии оказывают влияние на деятельность некоторых факультетов, но в англоговорящем мире этого нет, и мы должны действовать по-другому.

Однако у нас еще одно преимущество – зачастую наши оппоненты не очень-то умны и просто не понимают, что мы делаем. Например, я начинал преподавать «Капитал» Маркса в Университете Джонса Хопкинса в рамках курса географии. Географию там преподавали очень плохо, не уделяли ей никакого внимания. Мой курс назывался «Капитал», и целых три или четыре года начальство полагало, что я веду курс о столицах государств. [По-английски название книги «Капитал» и «столица» пишутся одинаково: «Capital» – *Прим. перев.*] Только через четыре года они обнаружили, что мой курс посвящен «Капиталу» Маркса. Так что у нас есть и такие способы. Я люблю рассказывать эту историю некоторым моим коллегам, которые причитают: «ох, теперь невозможно заниматься марксизмом». Я говорю: вы считаете себя настолько умными, чтобы продумать способы изменения мира, и одновременно ждете, что администрация придет к вам и станет умолять преподавать Маркса! Забудьте об этом! Необходимо найти новые способы работы, необходимо вести своего рода игру, необходимо делать свое дело, не афишируя его, – все это может быть достаточно эффективно...

Интервью подготовлено совместно с Дэвидом Риффом

Перевод с английского – Влад Софронов